

Искусство за рубежом

Труд. - 1989 - 6 авг.

Рафаэль: «Я родился в рубашке»

Его не надо представлять советской публике. Сотни концертов, пластинки, фильмы «Пусть говорят», «Вновь — рождение» и другие. «Что я успел за эти десять лет! — переспрашивает Рафаэль. — Неужели прошло столько времени после моих последних гастролов в СССР!» Он задумывается, как бы вспоминая что-то, и кивает в глубь залы, где на столиках, тумбочках, полках стоят среди прочих русские сувениры и фотографии, сделанные в России. Мы беседуем в его квартире, занимающей два этажа одного из домов в районе Поланко мексиканской столицы.

— ТАК ВОТ, — говорит он. — За то время, что не был у вас, я успел раз тридцать объехать мир с концертами. Записал дюжину новых дисков. Сделал несколько фильмов и серий для ТВ. Сын у меня родился — второй.

— Вы выступаете 28 лет и, как пишет местная пресса, «остаеь все тем же». В чем секрет?

— Не знаю, не задумывался над этим. Может быть, все дело в том, что у меня прежние мечты и стремления. Такие, какие были в 15 лет, когда вышел на профессиональную сцену. А, может быть, просто «я родился в рубашке». Это, кстати, название моего последнего диска.

— Какого цвета была эта рубашка? Почему вы почти всегда выходите на сцену в черном?

— Эта история произошла здесь, в Мехико, в самом начале моей карьеры. Я прилетел на первое выступление, а чемоданы не прилетели, потерялись. У меня не было времени шить новый артистический костюм. Самый простой выход, решил я, купить черные брюки и рубашку. В них выступал, и успех кон-

церта превзошел все мои ожидания. С тех пор я считаю черный цвет счастливым. Артисты часто бывают суеверными, как и спортсмены. А потом, знаете, черное не отвлекает публику. Она не разглядывает, что на тебе одето, а смотрит и слушает, как ты поешь.

— У вас есть кумиры среди эстрадных исполнителей?

— Пиаф.

— А среди писателей?

— Ваши авторы — в числе лучших в мире. Достоевского я читал много. Из испаноязычных люблю Гарсиа Маркеса и Варгаса Льюсу. Вообще я ценю в людях дар слова. Я — пацифист и верю, что только посредством слова мы должны решать свои проблемы. Пусть люди спорят друг с другом, но не пускают в ход силу. Мы должны думать о наших детях. Моему младшему — девять лет. Что ждет его, если люди не научатся понимать друг друга?

— Чем занимаетесь ваши старшие дети?

— Хакобо заканчивает среднюю школу. Хочу попробовать снять его в фильме, где впервые буду режиссером. Я сыграю роль

отца, а он — сына. Это история актера-комедианта, от которого отвернулась удача. История отношений отца и сына. Моя дочь Александра тоже учится в школе, увлекается балетом. Нет, профессией это у нее вряд ли станет. Я думаю, при первой возможности она постарается выскочить замуж...

— Вам не приходится иногда вспоминать свое детство?

— Часто. Особенно теперь, когда не стало отца с матерью. Я похоронил их в прошлом году. Прежде о моем детстве напоминали мне родители. Оно было бедным, но счастливым. Отец работал каменщиком и делал все, чтобы у нас была еда и было во что одеться. Нас в семье четверо братьев, я — предпоследний. Я продавал у ворот рынка домашний хлеб. Лицензии на это дело у меня не было, поэтому, когда появлялись полицейские, приходилось убежать. Отец никогда не поднимал на меня руки, хотя, наверное, было за что. Учился я, например, хуже некуда. Я ходил в приходскую школу, и терпели меня там только за голос. Я был первым голосом в церковном хоре.

— Путь к славе... Какими качествами надо обладать, чтобы одолеть его?

— Важно не обманываться на свой собственный счет. Время от времени спрашивать себя: «Ты сумеешь сделать это хорошо? Ты потянешь?» Некоторые, начиная карьеру, думают, что могут все. Или, наоборот, есть лю-

ди робкие, не верящие в свои силы, не отдающие себе отчета в своих возможностях. Историю делают великие робкие! В момент, когда надо выйти на сцену перед двадцатитысячным залом, робкий часто становится победителем. А крикливый и самоуверенный пасует.

— Я слышал, вы собираетесь открыть свой музыкальный театр?

— Да, «Рафаэль-1» открою в декабре в Мадриде. На сцене этого театра буду выступать не только я, но и другие артисты. Второй театр хочу открыть здесь, в Мехико. А всего их будет, по моему замыслу, четыре.

— Почему у вас квартира именно в Мехико?

— Это удобно, отсюда можно относительно быстро добраться до многих стран континента. Но мой «большой дом», как я его называю, находится в Мадриде, на родине. Есть еще дом в Малаге, есть во Флориде.

— Во Флориде — тот самый, который был зимней резиденцией Ричарда Никсона в годы его президентства?

— Да, но я оставил в прежнем виде только входную дверь, все остальное перестроил. Дверь же сохранил из-за инициалов на ней — «Р. Н.» Я сразу понял, что «Р» — это Рафаэль, а «Н» — это Наталья. Так зовут мою жену.

— Вашей семейной жизни не мешают гастроли?

— Это сказка, которую придумали те артисты, которые хо-

тят развестись и разводятся. Я, например, только и делаю, что езжу по миру и чаще всего без жены. Это нелегко, да. Но из всех женщин на свете для меня существует лишь она. Другие могут нравиться, могут ими даже восхищаться, но не более того. Очень важно, конечно, насколько умна и тактична твоя жена. Наталья умело держит в руках бразды нашей жизни. Не нашего дома, а именно нашей жизни. По профессии она — журналистка.

— Я знаю, что вы тоже пишете и, кажется, большую книгу...

— Она называется «Я развожу воронов». Под этим заглавием я опубликую два тома и сделаю это, когда мне стукнет шестьдесят. Это не автобиографическая книга, хотя личные воспоминания в ней есть. Это диалог двух Рафаэлей — артиста, которого знают люди, и простого смертного. В книге будет много подвохов...

— Несколько лет назад в Испании были напечатаны ваши путевые заметки «Из окна моего «люкса». Какой вы увидели из этого окна нашу страну?

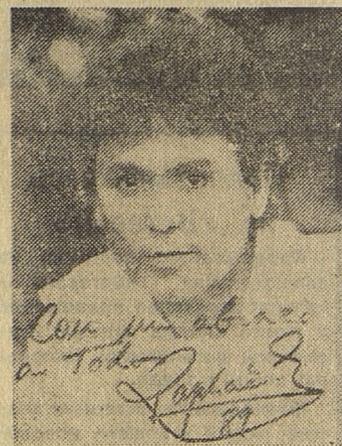
— Я люблю вашу страну. Особенно Ленинград, да простят мне это жители других городов. Что касается Москвы, то там со мной произошел случай, которого я не забуду никогда в жизни. Это было на самых первых гастроллях. Я сидел в своем «люксе» в «Метрополе» и играл на пианино. Вдруг заходит мой знакомый импресарио испанского цирка,

приехавший в Москву заключать контракты. «Ты видел, что происходит?» — спрашивает он с порога. — «Нет». — «Выгляни в окно». Я выглядываю и вижу толпы людей, некоторые стоят с плакатами. «Ну и что? — говорю я. — Наверное, демонстрация, люди чего-то требуют от властей». — «Какая демонстрация! На плакатах же все написано. Они пришли поздравить тебя с днем рождения!» Я потерял дар речи. Сам-то я забыл про свой день рождения.

Помню, как на мои выступления в Москве приходил Брежнев. Он всегда садился во втором ряду, а после концерта шел за кулисы, чтобы меня поприветствовать. Одновременно появлялась огромная корзина цветов, что было мне, конечно, приятно. С ним приходили какие-то люди, но никто не говорил ни по-английски, ни по-испански, ни по-французски. Мы обменивались несколькими фразами через переводчика, Брежнев жал мне руку и уходил. Так было семь раз.

— Что вы думаете о переменных, происходящих у нас в стране в последние годы?

— Я — не политик, но думаю, что Горбачев делает хорошее дело. Мне лично он очень симпатичен. Должно быть, это интересный человек. Кроме того, он, как я понимаю, рассудительный политик, который хорошо знает, чего хочет. В прошлом году я случайно встретил в мадридском



аэропорту советских девушек, знакомых мне по России. Они приехали в Испанию в туристическую поездку. Прежде, как объяснили, такой возможности у них не было. Эти девушки молили бога за здоровье Горбачева.

— Собираетесь приехать к нам еще?

— В начале будущего года. Стучу по дереву... Это тоже, кстати, название одной из моих песен.

Рафаэль стучит по деревянной ножке столика, за которым мы сидим. «Хочу через вашу газету, — говорит он, — передать советской публике, что с нетерпением жду новой встречи. И еще — обнимаю всех». Он берет фломастер и пишет эти слова на фотографии.

В. КУЧЕРОВ.
[Соб. корр. «Труда»].

МЕХИКО, август.